

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ

И.Н. ТАРТАКОВСКАЯ

МУЖЧИНЫ НА РЫНКЕ ТРУДА

«Несостоявшаяся маскулинность» в постсоветском контексте

За последнее пятилетие в отечественных гендерных исследованиях значительно возрос интерес к проблемам маскулинности. Если до этого подавляющее число работ российских авторов, посвященных взаимоотношениям полов и их социальному контексту, фокусировалось преимущественно на «женском вопросе» [1], то конец 1990-х — начало 2000-х годов оказались довольно «урожайными» на тексты о мужчинах [2–7 и др.]. И это симптоматично: дальнейшая концептуализация российских гендерных отношений была бы весьма осложнена, если бы гендерные исследования продолжали оставаться асимметричными.

На Западе возникновение «мужских исследований» (male studies) было в значительной степени политическим проектом, возникшим как реакция на развитие феминистской теории и политического движения и призванным либо распространить феминистский подход на анализ уже собственно мужской идентичности, либо, напротив, выступить с позиций поправленных прав мужчин [8; 9, р. 9-12]; в России же на сегодняшний день это чисто академическое предприятие, направленное на изучение относительно новой для отечественной социологической традиции проблематики (что лишний раз подтверждает на-

---

Тартаковская Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО). Адрес: 443000 Самара, ул. Молодогвардейская 225, д. 38. Телефон: 194–03–32.

Электронная почта: i_tartakovskaya@yahoo.com

Статья написана на основе исследовательского проекта, поддержанного фондом INTAS, грант № 97–20280.

блюдение об открытости и известной «всеядности» российского социологического дискурса) [10, p. 18-20].

Возможно, поэтому большинство российских текстов, посвященных изучению маскулинности, пока имеют более или менее общие теоретические рамки, соотносимые с социальным конструктивизмом и теорией гендерной системы [11, 12]. При этом подходе маскулинность рассматривается не как природная/естественная данность, а как социальный конструкт, точнее как проект, связанный со специфической доминантной позицией в сфере гендерных отношений, сквозной для всех уровней социальной стратификации [13]. Этот проект не однозначен и не унифицирован: существует множество типов маскулинности [8, 14]. Тем не менее каждый из этих типов представляет собой своего рода культурно предписанный сценарий, от реализации которого зависит относительная социальная успешность индивида, его самооценка и восприятие его окружающими.

Любой из сценариев маскулинности предполагает определенную завершенность, то есть ощущение личностной состоятельности и относительной успешности, понимаемой как соответствие определенным доминирующим паттернам (объединенным с помощью концепта «гегемонистической маскулинности»). Гегемонистическую маскулинность Р. Коннелл, Т. Керриган и Дж. Ли определяют как способ, с помощью которого особые группы мужчин «приспосабливаются» к позиции власти и благосостояния и который позволяет производить и легитимировать социальные взаимоотношения, порождающие господство данных групп [15, p. 592]. Коннелл подчеркивает, что гегемонистическая маскулинность не является каким-то определенным, фиксированным типом поведения — скорее это стратегия, направленная на достижение доминантной позиции в социуме, подверженная корректировке всякий раз, когда меняются соответствующие социальные условия [14, p. 76, 77]. Он утверждает также, что эта стратегия — не единственная возможная для мужчин: наряду с гегемонистической существуют и подчиненные типы маскулинностей, относительно которых и осуществляется доминирование (выходящее за рамки классового и расового доминирования, а также доминирования мужчин над женщинами). В то же время каждый тип маскулинности, в том числе те, которые в данном социокультурном контексте могут рассматриваться как недоминантные и подчиненные, имеет свои критерии успеха, не отделяемые от социальных представлений о маскулинности как таковой. Набор архетипических ролей для мужчин фактически инвариантен для любой культуры: солдат, первопроходец, эксперт, кормилец и повелитель [3, p. 199; 16]. Каждая из этих ролей подразумевает реализацию некоего сценария, без чего само понятие «мужественности», мужского гендера оказывается под угрозой — как это было сформулировано в популярном советском стихотворении,

«чтоб стать мужчиной — мало им родиться, как стать железом — мало быть рудой»... Поэтому можно сказать, что каждая разновидность маскулинности в процессе своей реализации может «не состояться», не получить завершения.

Тем не менее такие «срывы сценариев» постоянно происходят в любом обществе, что нашло отражение в понятии «несостоявшаяся маскулинность» [17]. Этот термин не имеет четкой дефиниции, но в то же время очень образно передает идею о том, что, во-первых, маскулинность является не только теоретическим понятием из арсенала гендерных исследований, но имеет для каждого мужчины личностное культурное наполнение; во-вторых, что это именно проект, реализация которого связана со значительными усилиями, а нередко оказывается даже невозможной. Для мужчин кризис усугубляется тем, что зачастую означает невозможность реализации личного сценария, или проекта, маскулинности и может заставить их сомневаться даже в своей половой принадлежности.

Советский тип мужественности складывался под сильнейшим влиянием политики гипермаскулинного милитаризованного государства, направленной на то, чтобы мужчина мог самореализоваться в качестве такового лишь «на службе Родине» (под которой понималось безоговорочное и самоотверженное участие в реализации любых государственных проектов) [3, 6, 18]. Главным же и основополагающим свойством «настоящего мужчины» считалась постоянная готовность отдать жизнь за Родину либо за поддерживаемые официальной идеологией ценности — используя выражение Н. Ювал-Дэвис, «высший гражданский долг» [19, р. 93], который только и делал возможным полноценное членство в общности «советский народ». Такое самопожертвование не обязательно должно было произойти в контексте защиты от внешних врагов — «мирная жизнь» по динамике и идеологии максимально приближалась к военным действиям (например, пресловутые «битвы за урожай» имели своих героев и даже жертв, гибнущих при попытке спасения горящей сельхозтехники). Интересно, что этот «смертельный ореол» советской маскулинности оказался очень стойким ее свойством: например, как показала Ж. Чернова, еще в 1960-е годы, когда складывалась так называемая «бардовская культура» позднесоветских романтиков, культовое значение для нее имели имена погибших товарищей-туристов [20]. А на страницах российских газет и в 1990-е годы наиболее положительные мужские персонажи обычно бывают уже погибшими, обреченными или жертвующими собой [21]. В каком-то смысле это наблюдение перекликается с представлениями о «летальных аспектах маскулинности», о которых писал С. Жорар [22].

Е. Здравомыслова и А. Темкина отмечают, что утверждающие маскулинность практики не оставались неизменными на протяжении

семи десятилетий существования советского режима [23]. В позднесоветские десятилетия (1970–1980-е годы) эволюция гендерного порядка¹ привела к ситуации, которую вышеупомянутые авторы охарактеризовали как дискурсивный «кризис маскулинности», то есть состояние относительной депривации, в результате которой соответствующее поколение мужчин рассматривалось обществом как когорта неудачников по сравнению с нормативными моделями «других». Гегемонная советская маскулинность, реализовавшаяся через служение Родине (государству), оказалась невозможным для реализации нормативом — как в связи со значительной девальвацией соответствующих ценностей, так и из-за реальных социальных изменений. В качестве возможной альтернативы ей могли бы выступить традиционная патриархальная маскулинность «домостроевского типа» либо либеральная «западная маскулинность» независимого собственника/профессионала/кормильца семьи, но обе эти модели были практически недостижимы: первая — из-за отсутствия религиозной и/или идеологической легитимации, да и вообще из-за противоречащего ей опыта советских гендерных отношений; вторая — из-за отсутствия реальных экономических условий для преуспевания семей с одним мужчиной-кормильцем.

Таким образом, уже позднесоветская маскулинность, или, точнее, «дискурс маскулинности» находился в состоянии затяжного «системного кризиса». Произошедшие в 1990-е–2000-е годы перемены значительно углубили этот кризис: многие традиционно «мужские» отрасли производства, такие как оборонная промышленность и станкостроение, пришли в упадок, профессиональное и экономическое положение многих раньше относительно успешных мужчин существенно ухудшилось. Ощущаемый ими стресс описан в статье М. Киблицкой «Раньше мы ходили королями...» [25].

Разумеется, феномен «несостоявшейся маскулинности» даже применительно к нашим респондентам, в той или иной мере затронутым современным российским социально-экономическим кризисом, ни в коем случае не является прямым его порождением. Напротив, возможность «несостоятельности» заложена в само понятие маскулинности, которая предполагает внутреннюю иерархию между «настоящими», состоявшимися мужчинами, и теми, кто не смог соответствовать этому критерию. Как пишет Р. Коннелл, «целлулоидный геройизм Джона Уайна или Сильвестра Сталлоне кажется героическим

¹ Термин «гендерный порядок» обозначает «исторически конструируемый паттерн властных отношений между мужчинами и женщинами и соответствующие ему определения фемининности и маскулинности» [24, р. 98, 99].

только по сравнению с основной массой мужчин, которые ему не соответствуют. «Оправдание» идеологии базового патриархатного комплекса и полной субординации женщин требует создания базирующейся на гендерных признаках иерархии среди мужчин» [24, p. 110]. В то же время ситуация социально-экономической трансформации, существенно изменившая «правила игры», в том числе и в отношении гендерного порядка, придала борьбе за «маскулинную состоятельность» неповторимые специфические черты.

Разумеется, вышеупомянутый кризис затронул далеко не всех российских мужчин; ряд из них, напротив, получил новое поле возможностей для самореализации и переутверждения собственного маскулинного сценария — прежде всего, в сфере бизнеса и предпринимательства (что ни в коем случае не означает, что это переутверждение было «естественным» и непроблематичным) [26]. В фокусе нашего исследования, однако, оказалась другая, значительно более распространенная категория россиян обоего пола, а именно те, кто в ходе происходящих трансформационных процессов столкнулся с серьезными экономическими, профессиональными и просто личностными трудностями. Если говорить о мужской половине наших респондентов, то значительная их часть может служить иллюстрацией тезиса о «несостоявшейся маскулинности» (*failed masculinity*) как одном из наиболее распространенных в советском и постсоветском обществах типов мужественности. По мнению С. Ашвин [27], как советская, так и постсоветская версия маскулинности требует для своей реализации определенного набора условий, главными из которых являются профессионализм и состоятельность в качестве кормильца семьи. Во вторую часть этого заключения нужно внести уточнение: быть кормильцем семьи (то есть больше всех в семье зарабатывать) — существенная, но не единственная компонента маскулинной экономической компетентности. В конце концов, не у всех мужчин есть семья, а те, у кого она есть, не всегда ставят ее интересы во главу угла. Кормилец — лишь частный случай или один из аспектов, маркирующих принципиально важную для «успешной мужественности» экономическую состоятельность. Если этот аспект по каким-то причинам неактуален, то на первый план выходит возможность быть компетентным потребителем, что также является важным атрибутом успешной, состоявшейся мужественности. Вообще, устойчивая ориентация на достойный заработок не обязательно говорит о стремлении прежде всего обеспечить семью — это еще и вопрос престижа и самооценки. Бедный мужчина лишен этих важнейших признаков гендерной компетентности и, таким образом, «размаскулинивается» — перед ним встает проблема репрезентации себя самого в повседневных взаимодействиях, прежде всего с собственной семьей, если она у него есть, затем с другими ближайшими родственниками, и не в по-

следнюю очередь с работодателями, непосредственным руководством, а также с коллегами (если он работает). Помимо этого, перед ним встает проблема переосмысления своей идентичности, поскольку, по мнению С. Ашвин, у российских мужчин ограничен набор легитимных социальных ролей [28]. Тем не менее сводить их к дихотомии кормильца/профессионала представляется некоторым упрощением хотя бы потому, что в нашей выборке присутствует немало мужчин, которые фактически не являются ни кормильцами семьи (довольствуясь весьма скромным доходом и никак не пытаясь его повысить), ни профессионалами (поскольку не испытывают к своей работе сколько-нибудь сильной привязанности). Провал «сценария маскулинности» порождает специфический тип поведения как в сфере занятости, так и в приватной жизни: с одной стороны, несостоявшаяся маскулинность становится синонимом жизненного краха, и дальнейшую стратегию поведения мужчин, осознавших себя «ненастоящими мужчинами», можно определить как своего рода «жизнь после жизни» — пассивность, пессимизм, готовность довольствоваться малым, нередко злоупотребление алкоголем. С другой стороны, у той части мужчин-неудачников, которые пытаются еще бороться с обстоятельствами, сохраняя свое достоинство, маскулинный комплекс порождает ряд проблем и дополнительных ограничений, не позволяя им прибегнуть к «недостойным для мужчин» способам выживания, в частности, существенно сокращая спектр приемлемых рабочих мест.

Особенности трудовой мотивации

Главная черта «несостоявшейся маскулинности» как типа трудового поведения связана именно с признанием своего поражения в области профессиональной карьеры. Как правило, переход в категорию неудачников связывается с изменением экономической ситуации в стране. Вина за свои жизненные обстоятельства возлагается не на себя, а на внешние причины, чаще всего — на государство. Однако возможны и другие причины отказа от мужских амбиций, например, заболевание (не обязательно приводящее к инвалидности, но создающее определенные ограничения). Главным фактором здесь выступает не состояние здоровья, а его субъективное восприятие.

В некоторых случаях переход к пассивному поведению при столкновении с жизненными проблемами, вызывающими сбой «маскулинного сценария», происходит достаточно быстро, но чаще ему предшествует период сопротивления. На протяжении этого периода мужчина пытается восстановить свою позицию, например, найти другую работу вместо прежней, ставшей малооплачиваемой, компенсировать падение жизненного уровня за счет подработок и т. п. У кого-то это получается, и тогда маскулинный сценарий может продолжаться, претерпев лишь незначительную корректировку.

Однако чаще всего приходится идти на компромиссы, значительно снижая требования к рабочему месту. В итоге начинает осуществляться своего рода стихийная стратегия «жизнеподдержания» — внутреннее признание непреодолимости внешних по отношению к себе обстоятельств, готовность довольствоваться малым, отсутствие амбиций. Для смирившихся со своей участью мужчин нехарактерно длительное состояние безработицы — признав себя проигравшими, они соглашаются на работу со снижением статуса, часто малооплачиваемую. При этом рабочее место представляет столь малую ценность, что легко меняется на следующее, хотя бы чуть-чуть более привлекательное; однако эти рабочие места непременно сохраняют маркировку «мужских» — в противном случае работнику обеспечена фрустрация. Значительно реже встречается другая крайность — стремление сохранить нынешнюю, пусть очень плохо оплачиваемую, работу, вызванное паническим страхом остаться без работы вообще. Ощущение фиаско, как правило, носит комплексный характер и не компенсируется ни включенностью в семейную жизнь, ни досуговыми интересами. Работа, ценная только тем, что она «мужская» и дает минимальные средства к существованию, не дает достаточных оснований для позитивной самооценки: работник в результате не оказывается ни кормильцем (потому что его зарплата, даже если и является самой большой в домохозяйстве, все равно недостаточна для удовлетворительного обеспечения семьи), ни профессионалом. Имея опыт снижения своей экономической компетентности, он сохраняет к своей нынешней работе чисто инструментальное, а чаще всего устойчивое равнодушно-негативное отношение. Хотя главным (и практически единственным) трудовым мотивом служит зарабатывание денег, «неудачник» фактически мирится с тем, что их будет немного; при этом, как правило, не стремится подрабатывать, а скорее склонен экономить и сокращать свои потребности.

Небольшая часть мужчин, определяющих себя как неудачников, продолжают тем не менее остро ощущать ответственность за материальное обеспечение семьи. Они занимают более активную позицию на рынке труда, используют разные возможности поиска работы; единственный критерий привлекательности рабочего места — стабильная и хотя бы относительно высокая зарплата. Характер работы при этом не имеет значения. Эту стратегию, безусловно, социально ответственную, нельзя все же назвать успешной, потому что она приводит к необходимости работать на нелюбимой работе, а это, в свою очередь — к низкой удовлетворенности жизнью и затяжной депрессии. В итоге мужчина, посвятивший себя поддержанию семьи, все равно чувствует себя «смирившимся неудачником», не находя в этой роли достаточного ресурса для самоуважения. Связано это не в последнюю очередь с тем, что в традиционном обществе, каким в значительной степени остается современная Россия, роль «кормильца»

настолько сильно социально предписана, что выполнение ее может восприниматься не как жертва, но как норма, нечто само собой разумеющееся [29]. Таким образом, она создает мало пространства для позитивного выстраивания собственной идентичности. Эти мужчины готовы заниматься даже «немужской» работой, но испытывают по этому поводу глубокие комплексы.

Отношения с социальным окружением

Важнейшим обстоятельством, благодаря которому может успешно осуществиться сценарий «подлинной маскулинности», является внешнее признание. Не получая позитивных оценок — как неформального одобрения, так и официального признания заслуг в лице материального либо символического вознаграждения, — мужчина часто испытывает сильную неуверенность в себе, которая может породить как комплекс неполноценности, так и ощущение, что с ним обходятся несправедливо. Источником этой ситуации могут быть просто коммуникационные проблемы, неумение строить отношения со своими социальными сетями. В итоге человек теряет доверие к окружающим и занимает пассивную, даже оборонительную позицию. В сфере поведения на рынке труда для таких мужчин характерны два альтернативных паттерна. Первый из них подразумевает длительное пребывание на одном месте работы, даже если оно не очень нравится и плохо оплачивается. За этим стоит не столько отсутствие других возможностей, сколько неуверенность, боязнь попасть в еще худшую ситуацию. «Несправедливо обиженный» видит себя жертвой постоянных интриг, которые не дают ему самореализоваться. Постоянные несправедливости как бы легитимизируют ту сложную ситуацию, в которой он оказывается.

Второй паттерн представляет собой, наоборот, немедленное расторжение всех отношений с обидчиками и стремительное увольнение. Такой вариант поведения нередко приводит к безработице, иногда довольно длительной: «несправедливо обиженные» или связывают свое трудоустройство с признанием своей правоты, или ищут новое место, где к ним, наконец, отнесутся справедливо, сохраняя при этом весьма высокую планку «справедливой оценки», в том числе и материальной.

Положение в семье

Несостоятельность в качестве кормильца приводит, как правило, к серьезному напряжению в отношениях супругов, нередко кончающемуся распадом семьи. Однако развод не является единственным возможным сценарием развития событий в семье мужчины-неудачника: чаще всего их партнерши проявляют известный «ресурс терпения» и стараются максимизировать свой собственный матери-

альный вклад в семейный бюджет. При этих условиях у несостоявшихся «настоящих мужчин» не исключены попытки переопределения своих жизненных задач в частную сферу и даже отказа от работы вообще. Такую стратегию можно определить как «приватизацию маскулинности». Безработный мужчина находит себя в том, что обслуживает интересы своей семьи. При этом он, как правило, не принимает на себя обязанности женщины-домохозяйки, а старается найти себе «мужское занятие». С. Ашвин подробно и аргументировано рассматривает проблемы, возникающие на пути мужчины, который пытается вести себя по такому «фемининному» образцу: прежде всего, к перераспределению ролей оказываются не готовы их жены: они без особого удовольствия воспринимают вторжение мужей на «свою территорию», а главное, ожидают от них выполнения функции кормильца, а не «домохозяина» [28]. Соответственно, подобный тип поведения нуждается в дополнительной легитимации, в качестве которой обычно выступает ссылка на состояние здоровья. Однако на самом деле ограничения по здоровью накладываются на нежелание работать на низкостатусной, неинтересной работе. Таким образом, позиция «домохозяйки» для мужчин, ее избравших, все же не столько однозначно вынужденная, сколько выбранная как «меньшее зло». Характерно, что такое поведение оказалось не свойственно рабочим: все попавшие в нашу выборку «домохозяева» имели в прошлом некую квалифицированную работу, которая задала им планку требований к рабочему месту. При всей проблематичности положения «мужчины-домохозяина» ни один из них на протяжении двух лет нашего исследования так и не вышел на работу.

Кризис традиционной мужской роли

Одной из стратегий несостоявшейся маскулинности может стать своего рода эскапизм, или, другими словами, инфантилизация — когда мужчина старается всеми силами избегать какой бы то ни было ответственности и на работе, и в частной жизни. Нежелание создавать семью служит гарантом определенной свободы, в том числе и на рынке труда. Главной ценностью становятся поддержание своего стиля жизни, мир хобби и прочих частных практик. Эта модель маскулинности является отчетливо альтернативной по отношению к гегемонистической. В принципе, она уже хорошо известна и не является специфически российской. Ее апробировали, в частности, битники и хиппи — презирая брак, семью и домашние обязанности, они противопоставляли себя «обычным мужчинам», вынужденным много работать, чтобы заботиться о своих домашних [30]. Однако в данном случае речь идет скорее об ее имитации, или, точнее, незавершенности: наши «эскаписты» предпринимают попытки трудоустройства, иногда даже относительно успешные, и отнюдь не чужды ценностям

потребительства. Но если желаемого уровня жизни достичь не удастся, стратегия состоит не в интенсификации усилий, а сознательном эскапизме, причудливо сосуществующем с минимизацией бытовых потребностей. Главной целью становится сохранение своего «Я-концепта» и стиля жизни любой ценой. Есть основания предполагать, что это не столько сознательно выбранная «другая» маскулинность «непонятных мужчин», сколько форма защиты, позволяющая примириться с положением профессионального аутсайдера.

Маргинализация

Е. Здравомыслова и Е. Чикадзе показали, что неумеренное употребление алкоголя является важной составной частью российской мужской гендерной культуры и было распространено как в советский, так и в постсоветский периоды. Ими был описан целый ряд сценариев, приводящих мужчин к алкоголизму, среди которых фигурировал и стиль жизни, и влияние культурной среды, и личные качества [7]. Само по себе употребление мужчинами крепких алкогольных напитков в российском контексте отнюдь не считается признаком личной несостоятельности, наоборот, скорее работает на образ «аутентичной мужественности» — но только до того момента, когда возникающие вследствие этого проблемы не становятся реальным препятствием в карьере либо в приватной сфере. Настоящий мужчина «умеет пить», и это не должно вредить его профессиональным качествам. Если же он теряет из-за этого работу — значит, реализация маскулинного сценария дала серьезный сбой. В ряде случаев можно говорить о том, что алкоголизм стал главным фактором поведения мужчин на рынке труда, предопределив их трудовую биографию, состоящую из коротких эпизодов работы или подработки, которые заканчиваются неизбежным увольнением «по пьянке». Речь здесь идет не о более или менее постоянной «фоновой» выпивке, являющейся привычной практикой для очень многих мужчин, а именно об алкоголизме, который делает адекватное выполнение трудовых функций практически невозможным. Перед тем, как окончательно спиться, многие «алкоголики» переживают более или менее длительную переходную стадию, когда постоянного места работы уже нет, но есть большое количество разнообразных подработок. Вырученные деньги немедленно пропиваются. При этом у большинства из них остается иллюзия, что бросить пить можно в любой момент, что устройство на работу — не проблема, стоит только найти подходящее место. Поддерживается интенсивная коммуникация с довольно широким кругом приятелей-собутельников. «Алкоголики» доступными им средствами стремятся поддерживать символический образ собственной маскулинности, подчеркивая, что сами, добровольно выбрали свой стиль жизни.

* * *

Р. Бреннон сформулировал четыре основные компоненты «мужской роли»: (1) необходимость отличаться от женщин; (2) необходимость быть лучше других; (3) необходимость быть независимым и самодостаточным; (4) необходимость обладать властью над другими [31]. Речь идет о классических свойствах того типа гегемонистической маскулинности, который сложился в западном обществе. Это не значит, что они не имеют ничего общего с доминантным типом современной российской мужественности, но для российских мужчин, особенно имевших опыт советской социализации, акценты могут быть расставлены несколько иначе. Так, советское государство, игравшее столь важную роль в определении характера гендерной системы, не предполагало для своих граждан, в том числе мужчин, никаких ресурсов независимости или автономности. Каналы распределения власти также обеспечивали абсолютное преимущество государственных структур, которые подрывали возможности обладания властью мужчинами как социальной группой — властные отношения были возможны почти исключительно в рамках официальных иерархий. И хотя в верхних государственных эшелонах мужчины преобладали, власть как таковая принадлежала скорее не носителю статусной позиции, а самой статусной позиции, человек же, ее занимающий, в любой момент мог легко быть смещен. Личные амбиции, стремление к лидерству тоже в какой-то степени гасились коллективистской идеологией, стремлением не выделяться, «быть, как все». Как пишет Ю.А. Левада, «специфическое «наше» — это боязнь «высовываться»... Нарушитель этой неписаной нормы сталкивается не только с моральными, но и с насильственными санкциями» [32, с. 301]. Все эти особенности не отменяют свойства «подлинной маскулинности», а создают ситуацию, при которой их проявление чрезвычайно затруднено. Этим во многом объясняется тот факт, что наиболее распространенной реакцией на кризисную ситуацию у мужчин является фактический отказ от амбиций и готовность довольствоваться малым: предыдущий исторический и социокультурный опыт легитимизирует такой тип поведения, делает его нежелательным, но допустимым, в том числе и для мужчины. Таким образом, единственное, что остается от «классической мужественности» — это необходимость отличаться от женщин. Поэтому «несостоявшаяся маскулинность» позволяет значительное падение статуса, заработка, способности обеспечивать семью при условии, что остается «настоящее мужское занятие».

Помещение в центр маскулинной идентичности профессионального успеха (как главного критерия профессионализма) приводит к необходимости своего рода гиперусилий, то есть необходимости не просто хорошо выполнять свою работу, но вкладываться в нее целиком, что часто создает огромные психофизиологические нагрузки. В

то же время профессионализм как основа жизни так важен, что некоторые мужчины готовы работать даже бесплатно, чтобы подтвердить свою личностную состоятельность. Фиксация на профессиональной самооценке как базе для личностной самооценки в целом создает определенные препятствия при выстраивании стратегии занятости. Стремление сохранить любой ценой свой профессиональный статус может уменьшать шансы трудоустройства.

Компромисс в виде устройства на низкооплачиваемую работу или на работу не по специальности угрожает, помимо прочего, и личностной целостности. В таком случае возможности адаптации к новой ситуации весьма ограничены: маскулинный комплекс этому препятствует. Достигнутая в результате компромисса новая профессиональная позиция воспринимается как непрерывная череда унижений.

Отдельную проблему составляет позиционирование себя по отношению к другим людям: жене, родителям, другим мужчинам. Можно предположить, что наиболее болезненны как раз отношения с другими мужчинами, потому что женщина может пожалеть, от родителей можно дистанцироваться, но сопоставление с другими мужчинами ставит беспощадную оценку собственной маскулинной состоятельности. Боязнь выглядеть в глазах других мужчин недостаточно мужественным может быть реальным препятствием при трудоустройстве.

Проект успешной маскулинности предполагает не только хорошо оплачиваемую профессиональную работу, но и признание своей состоятельности со стороны других членов ближайшего социального окружения.

Можно сказать, что постсоветская версия несостоявшейся маскулинности связана не только с проблемами на рынке труда, но и с недостатком позитивных версий легитимного маскулинного сценария. При этом традиционные критерии того, что значит быть «настоящим мужчиной», значительно подорваны советским и постсоветским опытом. Главным (и единственным) оставшимся критерием мужественности служит отличие от женщин: эта «остаточная» маскулинность определяется скорее через отрицание, чем наличие сущностно необходимых черт: мужчина — это *не* женщина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурко Т. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / Под ред. В. Ядова. М.: ИС РАН, 1998. С. 173–195.
2. Кон И. Гомосоциальность и гомосексуальность: О природе мужского общения. [В печати.]
3. Мещеркина Е. Институциональный сексизм и стереотипы маскулинности // Гендерные аспекты социальной трансформации / Под ред. М. Малышевой. М. ИСЭПН, 1996. С. 196–206.

4. Синельников А. Мужчины и патриархатная власть // Вы и мы. 1998. № 1. С. 19–21.
5. Ушакин С. Видимость мужественности // Женщина не существует: Современные исследования полового различия / Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1999. С. 116–131.
6. Kukhterin S. Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. London: Routledge, 2000. P. 71-90.
7. Zdravomyslova E. Chikadze E. Scripts of Men's Heavy Drinking // Idantutkimus. 2000. Vol. 2. No. 7. P. 35-51.
8. Мецгеркина Е. Бытие мужского сознания: Опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 268–287.
9. Clatterbauch K. Contemporary Perspectives on Masculinity: Men, Women, and Politics in Modern Society. Boulder: Westview Press, 1990.
10. Здравомыслова Е., Темкина А. Феминистский перевод: Текст, автор, дискурс // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
11. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 171–185.
12. Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–23.
13. Pleck J. The Myth of Masculinity. Cambridge: MA: MIT Press, 1981.
14. Connell R. Masculinities. Cambridge: Polity Press, 1995.
15. Carrigan T., Connell R., Lee J. Toward a New Sociology of Masculinity // Theory and Society. 1985. Vol. 14. P. 551-604.
16. Mionkind M., Rodin J. The Embodiment of Masculinity: Cultural, Psychological and Behavioral Dimension. London: Sage, 1987.
17. Pleck J. The Male Sex Role: Definitions, Problems, and Sources of Change // Journal of Social Issues. 1976. Vol. 32. P. 155-164.
18. Ashwin S. Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. by S. Ashwin. London and New York: Rotledge, 2000. P. 1-129.
19. Yuval-Davis N. Gender and Nation. London: SAGE, 1997.
20. Чернова Ж. Романтик нашего времени: С песней по жизни // О муже(N)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 452–478.
21. Гартаковская И. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 246–265.
22. Jourard S. Some Lethal Aspects of the Male Role // Men and Masculinity / Ed. by J. Pleck, J. Sawyer. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1974. P. 21-29.
23. Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.
24. Connell R. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity Press, 1987.

25. *Kiblitckaya M.* «Once We Were Kings»: Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge, 2000. P. 90-105.
26. *Meshcherkina E.* New Russian Man: Masculinity Regained? // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge, 2000. P. 105-118.
27. *Ашвин С.* Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // *Рубеж*. 2001. № 16/17. С. 5–24.
28. *Ashwin S.* Male Social Exclusion in Contemporary Russia. Paper presented to the 5th ESA Conference. Helsinki, August-September 2001.
29. *Bernard J.* The Good-Provider Role: It's Rise and Fall // *American Psychologist*. 1981. Vol. 36. No. 1 (January). P. 1-12.
30. *Ehrenreich B.* *The Hearts of Men*. London: Pluto, 1983.
31. *Brannon R.C.* No «Sissy Staff»: The Stigma of Anything Vaguely Feminine // *The Forty Night Percent Majority* / Ed by D. David, R. Brannon. Reading, MA: Addison-Wesley, 1976.
32. *Левада Ю.* От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.